

Ива Тусева

ЖИЗНЬ

НОМЕР

РАЗ

Ива Гусева
Жизнь номер раз

«Э.РА»

2019

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-4

Гусева И.

Жизнь номер раз / И. Гусева — «Э.РА», 2019

ISBN 978-5-99062-264-7

Сколько раз в жизни мы падаем и поднимаемся вновь? Сколько раз начинаем всё с чистого листа? Старательно строим собственную жизнь, чтобы в один момент всё сломать и испортить, или отбросить, как нечто ненужное, начать новую... В другом месте. С другими людьми. С другим «Я». Или всё с тем же? Не зря говорят, что от себя не убежишь... А впрочем... Не заморачивайтесь, просто женское чтиво ;)

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-4

ISBN 978-5-99062-264-7

© Гусева И., 2019
© Э.РА, 2019

Содержание

Пролог	6
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Ива Гусева
Жизнь номер раз

© Кулешова И. В., 2019 г.

Пролог

Женщин часто сравнивают с кошками: мягкая кошачья походка, кошачьи глаза, мягкая домашняя кошечка. Они и мурлычут как кошки, а иногда и шипят по-кошачьи. Могут быть как положительные сравнения, так и отрицательные: драная кошка, гулящая.

Сколько там жизней у кошки? Семь? Девять?

«Быть может, в следующей жизни...»

* * *

Время лечит. Время меняет отношение к времени, к жизни, к окружающим, к собственной личности.

В двадцать семь лет, присмотревшись к тому, что мне показывает зеркало, я поняла: мне не нравится та, которую я вижу там. Слишком самовлюбленна, слишком расчетлива, слишком высокомерна. Слишком зациклена на собственной персоне. Слишком... Характер совсем не сахар. Причем это не предел: дальше будет хуже...

– Да, гены берут своё, – вздохнула я.

Но дело было не в Генах и не в Чебурашках, хотя прецеденты в истории семьи имелись...

Всё начиналось просто, просто до отворачивания...

Я родилась в такой глухомани, что мой муж до конца нашей совместной жизни не уставал смеяться над этим. Я, естественно, его веселья не разделяла. Для меня мой родной рай-центр был милым городком, тихим, спокойным, вполне уютным. Я не замечала ни дымящих труб, ни отравленных загаженных рек, ни промышленных выбросов в относительно синее небо; вернее, не то чтобы не замечала, а считала это вполне нормальным признаком цивилизации. Я, конечно, знала, что где-то есть холодные северные моря, тёплый ласковый прибой южных курортов, бескрайние степи, безводные пустыни, города... Многочисленные города с широкими проспектами, дворцами и небоскребами, с зеркальными витринами и неоновой рекламой. И всё это манило меня к себе, манило и звало, как прекрасный неведомый голос, как сказка, как мечта. Собственно, это и была мечта – мечта когда-нибудь очутиться в той жизни, повидать все эти волшебные города и насладиться всеми благами этого мира. Какой же я была дурочкой!

Но тогда я этого не знала. Я знала только одно: по окончании школы я обязательно буду поступать в институт. И, так как института в нашем городке не было, это само собой означало, что я поеду в большой город. Этим большим городом должна быть непременно Москва, на меньшее я была не согласна. Ничего себе амбиции, да? Плюс куча комплексов и бескрайняя застенчивость. Всё это я пыталась прикрыть гордостью и неприступностью, очень похвальными качествами, как мне казалось, – и пряталась в свою скорлупу, чтобы, не дай бог, кто-то не сказал про меня: «Яблоко от яблони недалеко падает».

* * *

Яблоко от яблони недалеко падает...

Эта милая поговорка сыграла не последнюю роль в моём решении уехать во что бы то ни стало подальше от места моего рождения, от друзей, с которыми я никогда не была до конца откровенной, от родных, которыми я была недовольна. Почему?

Как-то я прочла, уже не помню где, что наша страна на протяжении семидесяти лет была большой «бетономешалкой», где смешивались социальные слои, классы, национально-

сти. Лучших рабочих посылали поднимать колхозы, комсомольцев – возделывать целину, строить БАМ. Умилялись, глядя, как «стираются грани между крестьянством и рабочим классом», и всё тоньше становится никому не нужная прослойка интеллигенции.

Межнациональные браки? Так это же интернационализм в действии, это ж здорово! Кто как, а я до сих пор считаю, что всё моё детство было отравлено этой чудовищной «бетономешалкой». В общем, чёрт с ней, с этой машиной... смысл вот в чем: мой батя в молодости был очень красивым парнем и бегал со своим баяном от девки к девке, из села в село, с вечеринки на вечеринку, за что и был прозван Колькой Вечеринкиным. Его мать и старшая сестра безумно гордились этим, считая такую популярность завидной. Так он и носился с баяном до армии, все попытки устроить его хотя бы в училище кончались провалом. Старший брат с трудом уговаривал его, сажал на мотоцикл и вёз в город – поступать в ПТУ, а Николай по дороге куда-то исчезал, прямо на ходу спрыгивая с мотоцикла. А то и попросту выбрасывал документы. Быть Вечеринкиным ему нравилось больше.

Пришел срок призыва и, чтоб девки не дразнили «браковкой», батя упаковал баян и обул сапоги.

Видно, здорово его достали сослуживцы, мол, «паровоз на Вы называешь», и сразу после армии любимый сыночек на радость семье рванул в техникум.

Радовались, но не долго. Так же быстро сыграл свадьбу и привел в дом жену:

– Матушка, познакомься. Это Галя. Мы вчера свадьбу комсомольскую сыграли.

Матушка чуть не померла. Сестра взвыла:

– Басурмана в дом привел!

Далее следовало нецензурное.

Причина? Галя уменьшительное имя, полное – Галия.

Ирония судьбы: перетравав всех окрестных девок, Колька влюбился в застенчивую, бедно одетую татарку. Светло-карие, почти янтарные глаза, хрупкая, скромная. Но семья приняла в штыки:

– Сколько девушек хороших, любая бы с радостью замуж пошла. Вон, Манька-Мышка, Галька-Горошинка... да любая! А он, дурак, аул проклятый в дом привёл. Да будь она проклята, навязалась на нас. Ведь как в песне: «Горе горькое по свету шлялося и на нас невзначай набрело». Да будь она проклята, прости господи, подвалила дураку, а он и рад стараться.

Заклеймённая как «басурманское отродье», под эти причитания я и родилась, и выросла, и уехала из семьи, привыкнув скрывать и стесняться того, что мать моя нерусская, краснея при вопросе о том, русская ли я, и доказывающая всем с горячностью: «Да, русская!».

Прошло немало лет, прежде чем я поняла, что любой человек может быть злее самого злого татарина и тупее самого забитого тундрука. Мы можем быть наивнее индейцев из школьных учебников, меняя золото на стекляшки, и мстить из-за пустяков, что автоматически оправдывает вендетту. Дело не в национальности, а в человеке. И этот человек в разных ситуациях ведет себя по-разному. Бывает, и в похожих ситуациях его реакция резко отличается. От чего это зависит? От окружения? Воспитания? От наследственности? Если б кто-то мог знать это. Те же психологи, например. Мы бы все были белые и пушистые. Все милашки, как под гребенку.

Как бы там ни было, теперь я могу спокойно ответить на вопрос о родителях:

– Папа русский, а мама татарка.

Но это сейчас, а тогда для меня сущим мучением было, когда каждый год, заполняя классный журнал, учительница спрашивала имя и отчество родителей. И вместо того, чтобы сказать «Галия Муратовна», я мучительно выдавливала из себя «Галина Мироновна». И очень боялась, что кто-нибудь узнает: я говорю неправду.

По телевидению и радио прославились успехи хлопкоробов и нефтяников, целинников и рыбаков, узбеков, киргизов, татар и казахов, а я, убежденная, что всё это лицемерие, и что в

каждой русской семье живет стойкая ненависть к иноверцам, училась презирать и ненавидеть собственную мать.

Может быть, всё было бы по-другому, если б мы жили своей семьёй и не принимали родственников. Но матушка и старшая сестра отца, всё же любившие его и «желающие добра», забрали родившуюся Анжелочку, чтобы Коля мог окончить техникум. А то ребёнок плачет по ночам и не даёт спать, не то что учиться.

Батя, не особо любивший детей, рад был отдать дочку на воспитание незамужней сестре и матери.

Воспитание...

Да, я быстро научилась считать, писать и читать, а так же выносить безмолвно все упрёки в мой адрес, все матюки, молчать, когда поливают грязью мою мать и верить всему этому.

Была ли в этом хоть крупинка правды, я не знаю, но когда отец в очередной раз собирался разводиться с матерью и спрашивал, с кем я останусь, я, рыдая и страдая, отвечала: «С тобой».

Предполагалось, что я должна любить только отца и его родственников, а мать для меня ничто. Этому я и пыталась соответствовать...

* * *

...Снег. Мокрый снег. Конец марта. Сумерки. Я сижу и думаю, что я всё-таки любила маму. Любила и ненавидела. И отец тоже. Он любил её. И ненавидел, потому что не мог противостоять волне злости и сплетен, выдумок и лжи. Любовь-ненависть – только это я видела с детства, только такую любовь и искала всю свою жизнь. Искала. И не заметила того огромного счастья, каким наделила меня судьба. И всё испортила. Всё... И ничего уже не поправить... Поздно...

Говорят, что перед смертью вся жизнь проносится перед тобой. Вот и сейчас я, глядя, как стекает кровь по восковой руке, жалею о том, как часто я была жестока и несправедлива с людьми, любившими меня, как я была черства, как зла, как эгоистична...

Я звала её «мамка»... не «мама», не «мать», не просто «ма», а – «мамка». Чтобы никто не подумал, что я к ней хорошо отношусь, ведь она плохая, грязная, проститутка...

Мама, прости, что я верила этой лжи, прости.

Я помню, как я бросила ей в лицо:

– Ты – проститутка, ты – блядь! Я знаю, мне Лёля сказала.

Как она растерялась сначала, побледнела и вlepила мне пощечину, первую и единственную, и заплакала, а я вылетела пулей на улицу, в слезах, с ненавистью и обидой на неё, на весь мир. Как она посмела! Я рванулась к телефону, чтобы пожаловаться на неё отцу, зная неписаное правило его правосудия: кто первый, тот и прав.

– Папа, я не буду сегодня ночевать дома. Я у Ленки. Мамка меня избилла.

И как меня потом осадил Ленка, когда я спросила:

– Твоя мать не против, если я переночую у вас?

– У меня не мать, а мама, и она не против. А что случилось?

– Да так, с мамкой поругались. Ерунда.

Даже близким подругам я не открывалась до конца: чем меньше знают, тем меньше будут болтать обо мне. Чтобы никто не мог сказать «яблоко от яблони недалеко падает».

Отец не смог помирить нас, но добился относительного перемирия сторон. Мать избегала говорить со мной, я не могла простить ей пощечину, несмотря на то, что от отца и тётки я получала намного сильнее и чаще. К примеру, мои школьные успехи омывались слезами в ванной, куда тётка затаскивала меня за волосы, чтобы соседям было не слышно, как я ору, когда она меня бьёт.

Да, она жила с нами до четвёртого класса – помогала мне в учёбе. И нашептывала отцу гадости про мать. Ежедневно пересчитывала шоколадные конфеты в холодильнике, сколько мать съела.

– Да подавиться-то она не может, тварь проклятая! Это означало, что нескольких конфет не хватает. Проверялось всё содержимое шкафов:

– А где синий шарф? Она что, опять всё в аул отправила? Аул – это родственники мамы, которые жили в другом городе. Общение с ними не приветствовалось и, когда редко кто из них приезжал, им устраивали ледяную встречу, а мать пилили ещё полгода, припоминая, что она им направила с собой в дорогу. Попрекая голо... Как это получше сказать?.. В общем, бедноту и пустодомку, за то, что она разбрасывается чужим трудом, то есть трудом отца, свекрови и тётки, как будто сама мать не работала.

В конце концов, Галька не выдержала:

– Коля, я больше не могу с Ирой жить.

Были слёзы, сопли. Рыдала Ира, рыдала я: нас разлучали. Тётку отправляли в ссылку. Ей купили дом в деревне. Батя её успокаивал:

– Ира, мы будем приезжать в гости часто. Анжелка на каникулы к тебе будет ездить.

Вряд ли это прибавило любви родных к Гальке. Каждый раз, как отец навещал их, ему внушали:

– Она гуляет из-за тебя. Я жила, так не давала, а ты, дурак, сам разрешил.

Отец разозленный приезжал домой, орал на мать, грозил разводом, случалось, бил. Она обливалась слезами, ползала на коленях, целовала ему руки и пыталась доказать, что не виновата. Он её прощал. До следующей поездки в деревню.

И так всю жизнь. Тридцать лет вместе, и все тридцать лет такой цирк.

Я сначала плакала, переживала, позже с интересом наблюдала этот спектакль, затем мне это надоело. А потом... Потом я сама мучила Андрея, уходила и возвращалась, доводила до края и звала обратно.

Я сделала его жизнь невыносимой. Во всём виновата я сама. Одна.

Как мерзнут пальцы. Наверное, ногти под маникюром посинели...

А снег всё падает. В свете фонаря он так красив. У нас часто падает снег. Я люблю смотреть, как проносятся хлопья или тихо кружат. А я стою у окна и смотрю.

Я часто смотрела в окно на снег, когда жила у родителей. Это был класс девятый-десятый. Я была строга с парнями, боялась, что кто-то, увидев меня даже просто идущей по улице с мальчиком, непременно скажет:

– Вся в мать, такая же.

И строила из себя гордячку, пресекая робкие попытки ухаживания.

Многие мои подружки дружили с парнями, целовались, может быть, даже спали. Я же тщательно скрывала свои редкие увлечения и не позволяла им далеко заходить, так как знала: это не моё. Я уеду далеко-далеко отсюда, сбегу на край света, чтобы ни мать, ни тётка не нашли меня, не испортили мне жизнь своим присутствием. А там я найду своего принца, богатого, красивого, который полюбит меня, такую, какая я есть. Ведь я могу быть и нежной, верной, преданной, доброй и заботливой. Пусть только он найдёт меня.

И нашел. И полюбил.

И что?

А то, что я не смогла быть ни нежной, ни преданной, ни заботливой. Я испортила сказку, о которой мечтала.

... Вот-вот всё кончится. Вот-вот...

* * *

... Вот-вот... Привет, Федот. Кот Федот. Котяра. С тобой тоже всё сложно, Федот. Я не радовала тебя, хоть и любила. Да и ты не очень-то радовал меня. Разрывался между мной и Алёнкой, и ещё чёрт знает кем. Как часто подружки делились со мной своей радостью (со мной! Ха!) рассказывали, как их провожал домой Серёга Федотов. И после этого ты смел говорить мне, что любишь меня...

Нахал... и сказочник. Я не верила ни одному твоему слову, но делала вид, что верю, что прощаю. Два года мы с тобой мучили друг друга – ты меня, а я тебя.

Я плакала, когда провожала тебя в армию. Плакала и была счастлива, что всё кончилось. Я знала, что не дожусь тебя, и лгала тебе, клялась в любви и верности. Я, расчетливая тварь, уже тогда знала, что не буду с тобой уже больше никогда. На тебя был великоват костюм прекрасного принца. Ты красив, но построить для меня дворец ты не сможешь. Нет, ты не прав! Я любила тебя! Ты не знаешь, как трудно, как больно было мне без тебя все следующие десять лет. Я действительно тебя любила. И ненавидела за твои измены. И сама изменяла тебе. Ты этого не знал, но возможно, чувствовал. Ведь стоило мне решить, что я должна порвать с тобой и вернуться к Вовке или Мишане, ты неизменно появлялся с цветами и новой сказкой о непредвиденных обстоятельствах и вечной любви. Сказочник... Я опять прощала. И была не права. Через неделю ты вновь забывал об этом и бежал на поиски новой юбки.

Но стоило тебе увидеть меня с кем-то другим, ты вспоминал свои права собственника на меня. Я возмущалась, перечисляла твои грехи, доказывала что-то тебе, а мой кавалер испарялся, даже не пытаясь попроситься.

А я смотрела в твои лживые глаза и думала: «Какая же ты тварь».

Смешно, но за два года я так и не поняла, какого они у тебя цвета. Зелёные? Светло-карие? Серые? Стоило мне заглянуть в твои глаза, и я теряла там себя. Таких откровенных и таких лживых глаз я никогда больше не видела. Там можно было увидеть всё и сразу: тревогу, любовь, насмешку, вину и обвинение, торжество и унижение... не могла я рассмотреть только цвет твоих глаз.

Я помню твои губы, руки, твой профиль, неторопливую кошачью походку, ты никогда не бегал за мной, ты неторопливо подкрадывался. Помню твою улыбку, твой голос:

– Мне нравится имя Анжела. Я люблю Анжелу...

И не помню цвет твоих глаз.

Я проводила тебя в армию и сквозь слёзы вздохнула с облегчением. Я знала, что если бы дали тебе еще одну отсрочку, то полетели б ко всем чертям мои выпускные и вступительные экзамены, все мои планы. Я не смогла бы бросить тебя, будь ты рядом. Но всё случилось так, как я хотела. Я поступила в институт и уехала... Уехала от тебя, от семьи, от друзей, туда, где никто меня не знал, туда, где я буду сама собой. Потому что даже от тебя я многое скрывала. И тебя – скрывала.

Я редко приглашала тебя домой, только тогда, когда была уверена, что дома никого нет. Помню, как удивился отец, когда ты нагрянул однажды к нам с цветами. Я была в ванной и не слышала звонка. Мы тогда поругались в очередной раз, и я торопилась на свидание к Вовке. Когда я вышла из ванны, ошарашенный батя только и мог сказать:

– Какой-то нахал приходил, тебя спрашивал... Действительно, нахал.

Как ты представил меня своим друзьям:

– Анжела. Моя подружка... детства!

И наглая усмешка. Отомстил...

Была похожая ситуация, когда я привела тебя на вечер вручения паспортов. Да и не хотела я вести тебя с собой, ты сам увязался. Мои одноклассницы хорошо знали тебя, и посыпались расспросы:

– Анжелка, что у тебя с Федотовым?

– Ничего.

Ты удивился. Удивился и обиделся, но ничего не сказал, а дулся весь вечер и потом исчез на две недели. Я понимала, что была не права, но не хотела сплетен. Не хотела, чтобы моё имя связывали с твоим. Ведь, дорогой мой, твоя репутация ой-ой... Я бы извинилась и всё. Но я две недели не могла вычислить тебя. А потом узрела тебя с Алёнкой. Чёрт! Не буду же я выяснять отношения при ней. А какое торжество, какая насмешка в твоих наглых глазах... Что мне оставалось делать? Я сыграла в гордычку и прошла мимо, не взглянув на тебя. Пошёл к чёрту! Всё! Я не знаю тебя и знать не хочу!

Вовка сегодня на смене... Ну и что, позвоню Мишке, он заедет... Всё, решено!.. Я забыла, кто такой Федот! Я забыла!

Но ты вернулся... Я налетела на тебя при выходе из магазина. Я всё время на тебя належала, иногда нечаянно, иногда, когда сердилась, специально отворачивалась, не хотела тебя видеть, хотела быстрее пройти мимо. Но ты оказывался рядом, передо мной, и я сталкивалась с тобой нос к носу. Я начинала извиняться:

– Извините, пожалуйста...

Потом замечала, что это ты, и замолкала. А ты смеялся:

– Анжелка, опять не смотришь, куда идёшь.

И смотрел на меня, выжидая. Чего? А кто тебя знает... На шею тебе бросаться посреди улицы я не собиралась, целовать тебя – тем более. Самое большее, чего ты мог дожидаться – это моего лепета, что вот, мол, давно тебя не видела, но мне некогда, я спешу...

Тогда ты тоже вступал в разговор и излагал очередную сказку... я вроде бы верила и вроде бы прощала. Ты провожал меня домой, и мы целовались в подъезде, спрятавшись ото всех. Потом целую неделю ты таскал меня по киношкам и дискотекам и, когда я забывала про всех и всё и начинала видеть только тебя, ты снова исчезал...

Журавль и цапля из сказки.

Я встречала тебя с другими, психовала, злилась, клялась забыть тебя, бывало, уводила у знакомых девчонок парней, просто так, назло тебе, чтобы ты видел: стоит мне поманить пальцем, и одна не останусь. Иногда из-за этого влипала в неприятные ситуации. Спасибо тебе, что ты вытаскивал меня из них, порой ради этого оставляя свою очередную подружку – отшивал какого-нибудь наглого алкаша или вытаскивал меня из когтей обиженной бывшей моей знакомой. Уводил домой и, не сказав ни слова, бросал меня у подъезда, разворачивался и уходил.

Потом появлялся через некоторое время с цветами и готовой сказочкой. Да, ты умел рассказывать сказки. А какие письма писал из армии... сказочник...

Когда ты вернулся и узнал, что я вышла замуж... Ты специально рассказывал всем, что я тебя бросила? Ведь ты же знал, как я боялась сплетен. Мне писали мои подружки: «Оказывается, у вас с Федотом был та-а-акой роман! Это правда? Он грозитя тебя убить!»

Отомстил, да? Расписал всё в подробностях. Мои родные крестились левой пяткой:

– Слава Богу! Бог отнёс, а то бы вышла замуж. Форменный бандит... Ну яблоко от яблони не далеко падает, нашла, с кем связаться...

А я училась жить без тебя...

Да, я успешно сдала и выпускные, и вступительные экзамены, и поступила в Автодорожный институт. Батя отвёз меня в Москву, поселил в общежитии и уехал, помахав на прощание рукой из окна троллейбуса.

Всё... Одна... Совсем одна в чужом городе... Посреди дождя и промозглых сумерек.

Вернулась в общежитие. Голые матрасы... Даже белья не выдали... А я, дура, не взяла с собой. В шкафу висит солдатская шинель. Интересно, чья?

Темнеет...

Штор нет, да и лампочки тоже... да-а... Чёрт, и замка в двери нет!.. Всё-таки дверь я умудрилась закрыть на швабру и уснула, свернувшись калачиком на голом матрасе под солдатской шинелью, долго оплакивая и жалея себя. Нет, не это видела я в своих мечтах...

* * *

Ба-бах!..

Я проснулась от того, что упала швабра.

Уже утро...

– Привет! Нас сюда направили. Тебя как зовут?

– Анжела...

– Оля. Это Ира. А что, замка нет? И света тоже нет. Ирка, ты постельное взяла? Мне мать положила, а я выбросила, чтобы не таскаться. Не думала, что здесь такая дыра. Ты здесь поступала?

– Нет.

– А-а-а, тоже по спецнабору?

– Ага.

Ира стоит, осматривается и молчит, пока Ольга тараторит. Обе светленькие, но Ольга в своём белом костюмчике как Белоснежка, как солнечный лучик, а Ира в джинсах и свитере, с длинным хвостиком светлых волос, больше похожа на мышку-норушку.

– Ты здесь долго?

– Со вчерашнего дня.

– Ну и как?

– Паршиво.

– Как еще в колхозе будет, неизвестно. Пойдём, по магазинам погуляем.

* * *

На следующий день всех скопом вывезли в один из подмосковных колхозов на уборку картошки, расселили в бараках. Мы с Ольгой и Ирой попали в комнату, где было восемь девочек, остальные были рассчитаны на двенадцать-четырнадцать человек.

Спецнабор... Представительницы всех национальностей со всей страны. Русские, хохлушки, казашки, якутки, татарки, грузинки, башкирки... опять бетономешалка! Все разбились на группки. Самое интересное: не по национальностям. Русские девчонки, якутки оказывается все из Якутска, и ещё примкнули к ним сибирячки из Кемерово; русские и армянки, грузинки – вместе поступали. Башкирки, казашки и опять русские, с Урала. Такое подобие землячества. И у парней – то же. Пока никто не скандалит. Я внимательно наблюдала, что же будет дальше. Наблюдала неделю, две, три, пока не надоело. Никто никого за волосы таскать не собирався, никто никого не материл, не проклинал. Кипятильники, сахар, варенье кочевали из комнаты в комнату, как и плейки, утюги. Приезжали родители из Подмосковья, из Москвы, пирожки и печенье везли для всех девочек в комнате.

Бедная моя тетюшка получила бы разрыв сердца при виде этих «пустодомок». Ну что ж, везде свои порядки. Будем учиться жить по новым правилам.

...Опять началось. Снова на кого-то налетела.

– Извините пожа...

... Чёрт! Он! Да нет... но похож... да нет... Разве что роста среднего и широкие плечи, как у Федота. И ещё взгляд такой же наглый. Стоит, нахально меня разглядывает.

– Ну и как я выгляжу?

Господи, это он мне?.. Как будто это я его так бесцеремонно рассматриваю, как на витрине. Хотя... Вообще-то, да. Я тоже застыла, как истукан, и сравниваю его с Федотом. Нет, не похож...

– Да так, неважно, – повернулась и пошла.

Да, кажется, забыть Федота будет непросто. Так внезапно стало одиноко и мутно. Ладно, успокойся, не последний день живёшь, увидишь ещё.

А этот нахал чем-то так неуловимо похож на Федотова! Бывает такое: определённые типы людей, и жесты одинаковые, интонация, в облике что-то. Видали мы такое. А копнёшь поглубже – совсем другой человек, не лучше, не хуже, а просто другой. Как я ошиблась на Димке... Так был похож на Вовку, а надо же... Маленький самовлюбленный засранец. Какие истерики! Видите ли, я не считаюсь с его чувствами... Я и связалась с ним только из-за того, что Федот в армии. Вовка тоже, а он мне Володю напомнил. Мне было одиноко. Я не считаюсь с его чувствами... Надо же было такое сказать! Я что, должна была ради него забыть свою мечту и остаться гнить в нашей дыре? Я плюнула на него и уехала. А этот слизняк испортил мне память о Вовке.

И теперь этот разворошил мысли о Федоте. Анжелочка, не всё то золото, что блестит. Федот, да не тот.

– Оль, с кем это я сейчас столкнулась?

– Султан, что ли?

– Какой ещё «Султан»?

– Привет, ты что, не замечала? Собрал себе гарем из третьей комнаты, они ходят за ним по пятам, в рот заглядывают.

– Он что, с Востока?

– Сама ты с Востока! Русский, только бабник жуткий. – И что?

– И ничего.

– Странно. Я как-то такого беспредела не заметила.

– А что ты вообще замечаешь?

– Да ладно...

«Султан». Да... Парень не без претензий...

* * *

Вечером в столовой действительно девчонки из третьей комнаты занимают место, накрывают на стол. Он пришел, сел, с ним ещё двое парней. Всё готово. Кушайте на здоровье! Главное, всё воспринимается как должное. А те дурочки ловят каждое его слово, смеются.

Кто-то из наших:

– Анжелочка, а ты что засмотрелась, тоже в гарем хочешь?

– Ты с ума сошла! – Я чуть не подавилась. – Сколько их там? Раз-два-три-двенадцать? Ты думаешь, я буду тринадцатой? Ты считаешь, что я больная?

Поел, ушел, девчонки убирают. Ну уж это их проблемы. А вот мне сейчас картошку чистить... моя очередь.

Позже сидим на кухне втроем, от каждой комнаты по девчонке, чистим картошку, точим лясы.

Одна из гарема, Ксюха:

– Мужа моего, Павлова, знаете?

– Это Султан, что ли? Он что, всем вам муж?

– Ну да. Так он анекдот рассказал...

Так его фамилия Павлов... так-так.

– Слушай, Ксения, он, вроде, нас старше?

– Ну да, после армии.

– А чего его в детский сад потянуло, в гарем поиграть?

– Да он такой весёлый парень, обхохочешься. Это всё в шутку.

Блин! Порезалась! Анжела на кухне – целая катастрофа. Пошли они все!

– Пойду, промою руку.

А кровь капает, как из крана. Сейчас тоже струится по руке и капает на пол. Кап-кап-кап-кап. И не закрыть этот кран. Да и надо ли?

И тогда я тоже стояла и смотрела, как окрашивается вода в умывальнике, как закручивается спиралькой и вытекает в трубу. Бинт в чемодане, до него еще дойти нужно. Я представляла, как я иду по коридору, а за мной на полу бисером капельки крови...

– Малыш, что случилось?

Султан. Что за дурацкое обращение – «малыш»?

– Дай руку.

Кап-кап-кап...

– Как это тебя угораздило?

Заворачивает мою руку в полотенце. Видимо, умываться пришел.

– Пойдём.

– Куда?

– У Бороды аптечка должна быть.

– Я испачкаю твоё полотенце.

– Да черт с ним...

Без свитера, в футболке и джинсах. Твёрдые, мускулистые руки. И волосы на груди, на руках. Что-то животное, жуткое и притягивающее во всём облике. Волна жара пробежала по телу, когда я представила, как это – прижаться к этой груди, оказаться в этих сильных, мускулистых руках. Голова закружилась, и я пошатнулась.

– Что такое? Что-то не так? Тебе плохо?

– Голова кружится...

– Уже пришли, садись.

Я послушно сажусь, он на коленях передо мной бинтует мне пальцы. Когда мужчина на коленях, он унижен и не возбуждает меня. Мужчина должен быть сильным. Я смотрю на склоненную голову и медленно прихожу в себя.

– Всё. Тебе лучше?

– Да.

– Тебе помочь дойти до комнаты?

Взгляд снизу вверх. Это меня добило:

– Тоже мне, мать Тереза. Сама дойду!

Парень конечно обалдел от такого хамства и молча смотрит мне вслед.

* * *

В комнате смех, гитара. Мальчишки пришли в гости на огонек.

– Анжелка, что с рукой?

– Что-что... Анжелка мяса в картошку добавила.

– Да пошел ты!

– Анжелка, тебе кто-нибудь говорил, что ты красивая?

- Говорили, знаю.
- А что ты нахалка и грубиянка, говорили?
- Отстань!
- Действительно, отстань, а то сейчас укусит.

Анжела, спокойно, не заводишься. Пошли они все... А зря я, наверное, Павлова отбрила. Он обо мне же и заботился. Свинья я все же... Ничего, переживет...

Я сидела, слушала гитару и вспоминала Федота. Он тоже часто брэнчал на гитаре...

*Если б жизнь твою, как кинолентку,
Прокрутить на восемь лет назад...*

Все! Предел! Сейчас разревусь! Это его любимая песня. И моя... Наша...

Я выскочила из комнаты, из домика.

Темно. Звезды. В августе обычно звезды падают. Если сейчас упадет звезда, я загадаю...

Что же загадать? Я хочу... Я хочу, чтобы Султан был моим...

– Привет.

Это еще что такое?

– А, Леша, привет. Ты меня напугал.

Леша Демченко. Служил в Морфлоте. Вечная тельняшка. Сухошавый, подтянутый. Да и ростом ненамного выше меня. Мягкий вкрадчивый голос да и взгляд такой же.

– Скучаешь?

– Да есть немножко...

– Хочешь, покажу что-то?

– Что?

– Пойдем. Только ступай осторожно, ноги не намочи. Роса.

Медленно, в раздумье, отрываюсь от деревянных перил крыльца. Не прикончит же он меня, в конце концов... И осторожно иду за Лешкой. Еще бы знать, куда иду...

– Осторожно, пригнись. Ветка.

Спускаемся к речке. Мягкая трава на берегу. Черная вода, и в ней плавают звезды. Звезды на черном небе, звезды в черной воде. Леша садится на плотик, сбрасывает кроссовки, закатав брюки, опускает ноги в воду.

– Ты, никак, купаться надумал?

– Да нет, холодно, а вот так посидеть в самый раз. Иди сюда, не бойся, не утонешь.

Сажусь, подобрав под себя ноги, на плотик рядом с Демченко. Тишина. Звезды мелко дрожат в иссиня-черной воде. Легко шуршит ветер в плетях ивы.

– Красиво... и тихо...

Повернул голову, смотрит молча, как будто я сморозила что-то глупое-преглупое. А он пытается понять, насколько я дура. Потом, медленно обняв, притягивает меня к себе и целует. Так же медленно, вкрадчиво. Все медленно поплыло: вода и звезды в ней, небо и звезды, звезды и вода...

Стоп!..

Анжелочка, ты думаешь, что ты так неотразима, и он в тебя с первого взгляда?.. Как бы ни так. Ага, и руки расползаются, одна выше, другая ниже...

– Леша!.. Руки!.. Я этого не хочу.

– Анжела, извини... Ты такая красивая, я не удержался. Не уходи.

Поздно. Я уже встала. Все испорчено.

– Ты слишком торопишься.

– Нет, это ты слишком торопишься, не уходи... Чего ты боишься?

– Ничего, я просто замерзла, а тебе меня не отогреть... – В смысле?

– Да так. Без смысла...

Я ушла, а он остался сидеть, свесив ноги в воду и глядя в небо, хрупкий мостик между звездами небесными и их отражением в воде.

* * *

Утром стало известно, что Борода застукал группу из четырнадцати пацанов, которые делали в сарае местную малолетку. Все были пьяны.

Анжела, ты все еще сомневаешься в том, что вчера было нужно от тебя? Просто Леша искал свою малолетку. Ну что ж... ты не сглупила. Поздравляю.

Парней быстренько отправили обратно в Москву со вторым преподавателем и докладной ректору. А все еще долго обсуждали, кто виноват: то ли девка, которая ужралась до состояния нестояния, то ли парни, которые не побрезговали и залезли на конвейер.

– Ну уж если ума нет, считай – калеки. Могли бы меня попросить, я б любую из гарема подарил!

Ага, Павлов прикалывается, рассказывая о прелестях султанства.

– Совсе не обязательно телку поить, чтобы затащить её в постель.

Еще один фруктик. Боже, какой цинизм! Демченко молча, с ироничной усмешкой гипнотизирует меня, пока за столом идут прения. Что он этим хочет сказать? Что не одна я такая дура? Или что он не настолько плохо воспитан, как я подумала? Или что, окажись на его месте другой, я бы не сбежала так просто? И сколько можно так пялиться на меня? Мне что, утопиться в собственной тарелке с супом?

– Леха, а ты где вчера был? Мы там мой гарем на карты раздевали.

– Ну и как?

– До конца раздеть не получилось, но если б ты видел... До конца колхоза за нас теперь на кухне дежурить будут.

Все еще смотрит. Скажет или нет?

– Ты случайно не в сарае вчера был?

– Да так... Поймал вчера русалку у реки, пытался отогреть.

– Отогрел?

– Нет. Но отогрею. Анжела, куда же ты? Я еще не рассказал, какие у моей русалки длинные и мягкие волосы, какие прекрасные зеленые глазищи...

Но я уже пулей вылетела из столовой. Черт! Так неудобно. Такое впечатление, что потеряла трусы на центральной улице. И что теперь делать? Рассказывать всем, что ходила смотреть на звезды? Поверят, как же.

– Ты обиделась?

Тихо-тихо, так, что я и не поняла сначала.

– Что ты сказал?

– Ты обиделась?

А голос какой вкрадчивый. Да, Лешенька, ты все правильно понял: я обиделась. Но тебе это знать не обязательно. А еще я разозлилась.

– С чего ты взял? Мне абсолютно все равно. Тем более что автобус подошел, пора в поле.

* * *

У автобуса толкотня. Борода вещает:

– Девушек вперед пропускаем!

Султан с каким-то типом вытаскивают за задницу из автобуса Оксанку:

– Оксана, девушек, а не женщин.

Она снова пытается подняться. Результат тот же:

– Оксана, девушек, а не женщин.

Что-то очень крепкое вырвалось у меня, потому что они замолчали и уставились на меня.

Не ожидали...

– Ты её трахал?

– Нет, но я знаю, кто...

– Ну и засунь свое знание в задний карман. Оксанка, быстро! Что встала?

Все-таки какие твари... Ксюха что-то лопочет, оправдывается, пытается избавиться от смущения, наверное.

– Ты чего позволяешь так обращаться с собой?

– Да они прикалываются...

– Да. Они прикалываются. Над тобой.

– Они не со зла.

– Как тебе нравится.

Вечером Лешка притащил ежика. Маленького, ушастого, смешного.

– Нравится?

– Я первый раз вижу живого ежа.

– Шутишь?

– Нет, действительно.

– Я сейчас молока принесу.

Девчонки столпились над ежом, так что когда Леха появился, ему пришлось пробиваться сквозь толпу вместе с банкой молока.

– Анжела, а где благодарность?

– Спасибо.

– И все?

– А что еще?

Я прекрасно поняла, чего он хотел.

– Ну если не хочешь, пусть будет «спасибо».

Денисенко рассмеялась:

– Дурочка, он хочет, чтобы ты его поцеловала.

– Наташа, поцелуй его сама, если хочешь.

– А что, запросто!

Девчонки, смеясь, начали целовать парня:

– Лешка, пойдём с нами на танцы в клуб.

– Пойдем, Леша!

– А я и не отказываюсь, если Анжелка не против.

– Нет.

Какое-то ледяное «нет» получилось, словно высеченное из глыбы льда. Я попыталась смягчить:

– Нет, я не против.

– Хорошо, я жду на улице.

* * *

Я долго собиралась, раздумывая, как мне вести себя с Лешкой, чтобы не спровоцировать его на новую попытку, поэтому не заметила, что соседки уже все выскочили на улицу, и я осталась одна.

– Анжелка, ты закрываешь комнату, – хлопнула дверь последняя.

Я лихорадочно начала все сбрасывать в косметичку. На тумбочке пачка писем. Кузнецовой Анжелике. Из дома. Одно такое толстое... Что там? Из конверта высыпаются еще конверты, сложенные вдвое... СА. От Федота... Сердце жалобно трепыхнулось и сжалось. Дрессировка продолжается... Так просто он меня не отпустит...

«Анжела, здравствуй! Как ты меня обманула! Где обещанный океан любви? Нет даже слабого ручейка. Я шлю тебе за письмом письмо, а ответа все нет и нет. Но я так просто не сдамся. Я заброшу тебя письмами, как осенними листьями. Помнишь, мы гуляли в парке с тобой. Мне захотелось обнять тебя, прижать к себе, а ты продолжала играть недотрогу, стала возмущаться и брыкаться. Тогда я поставил тебе подножку и завалил на ковер из желто-красных листьев и стал целовать. Я до сих пор помню эту картину: твои русые волосы рассыпались по осенним листьям, и листья желтые, красные запутались в твоих волосах...»

Хм... Художник слова... За листьями не рассмотрел моей обиды. Как я психовала тогда. По-моему, твое поведение, Федот, нельзя было назвать галантным. Это факт. Но каков сказочник! Как перевернул все это.

– Привет. Как рука?

Я, вздрогнув, оборачиваюсь. Прислонившись к косяку двери, руки в карманах, стоит Андрюха Павлов. Вот уж не ожидала. Что он от меня хочет? Спросил что-то про руку. Ага...

– Спасибо, доктор Айболит не требуется.

Усмехнувшись, оторвался от двери и, не спеша, прогулочным шагом, подошел поближе:

– А где остальные?

– На танцы рванули.

– А ты решила остаться со мной?

– Вот еще! Я тоже ухожу.

Шаг вперед, и он преградил мне дорогу.

– А я не пушу.

Он оказался так близко, что я растерялась. Серые внимательные глаза... Слишком близко! Губы, руки... Все. Туман. Туман в глазах. Туман в голове.

Сигнал тревоги сработал, когда я уже оказалась без кофточки, а он пытался расстегнуть лифчик. Будто что-то щелкнуло в голове, и туман пропал.

– А с чего ты взял, что я этого хочу?

– А что, нет?

– Нет!

– Ну женское «нет», это недоделанное «да». Сейчас доделаем.

Поздно, я уже выскользнула из его рук и пыталась оценить обстановку. К двери не проваться. Кричать? Ха-ха. Толкнула створки окна и выпрыгнула на улицу – преимущество первого этажа. Быстренько натянула кофточку и застегнулась. Интересно, наши уже ушли? Завернув за угол, обнаружила пустую улицу и одинокий огонек сигареты на крыльце. Что делать? Идти одной по незнакомому селу, или возвращаться к Султану? И то и другое пугает. Я в нерешительности остановилась.

– Ты слишком долго собиралась, все уже ушли.

Ага. Про Лешку-то я и забыла. Оказывается, это он курит на крыльце. Как это он узнал меня в темноте? А, ну да. Он же давно тут, глаза привыкли.

– Пойдем, поможешь мне дверь закрыть.

* * *

Когда я осторожно открыла дверь нашей комнаты, чтобы взять ключи, Султана уже не было. Интересно, он тоже воспользовался окном, или вышел через дверь? Я закрыла окно и собралась уходить... Нет, это уже смешно! На этот раз Леша. Стоит на дороге и не пропускает:

– Может, мы никуда не пойдём?

Средневековье какое-то! Стоит остаться один на один... Или на самом деле у всех мужиков мысли работают в одном направлении? Можно снова сбежать в окно, и куда дальше? Оказаться одной в темноте? Нарвусь ещё на кого-нибудь менее щепетильного. Попробуем уболтать:

– Алеша, ты опять торопишься.

– Ну не так уж и сильно... – А сам все ближе и ближе. Я запаниковала. Ну что за вечер! Сплошные сложности. Смех от двери прервал это развлечение. Павлов. Стоит и смеется. Видимо, ему тоже показалось смешным, что я дважды за вечер оказываюсь в одной и той же ситуации.

– Леш, хочешь, я тебе скажу, что бы она сейчас сделала? Она бы сиганула от тебя в окно.

– С чего ты взял?

– Я видел, Леша. Видел, как она пять минут назад сделала это. Ты действительно сильно торопишься, Демченко.

– Лешка, так мы идем или не идем? – это я пришла в себя. Тот с радостью схватился за эту мысль:

– Да, конечно... извини, Андрюха, но мы уходим.

– Ну-ну.

Я подумала, что если их будет двое, то мне ничего не грозит:

– Если хочешь, пойдём с нами.

– Да ну! А Леша? Он же не вынесет моего присутствия. Смотри, он и так взбешен. Уж лучше в следующий раз.

Лешка действительно был не очень рад видеть рядом с собой Павлова, но смолчал. Он молчал всю дорогу до клуба. Молчал, когда мы танцевали, а он прижимал меня к себе в медленном танце. Молчал и смотрел, когда мы с девчонками бесились в кружке под очередной заводной мотивчик. Когда его спрашивали, он нехотя немногословно отвечал. Появился Султан с Викой, яркой блондинкой с пышным бюстом, и все поменялось: у Леша настроение поднялось, у меня – упало. Когда вновь начался медленный танец, Лешка шепнул:

– Давай уйдём. Я покажу тебе колхозный сад, можем набрать яблок.

Я согласилась, чтобы не видеть насмешливо-торжествующего взгляда Султана.

По дороге Лешка стал рассказывать о себе, о своей маме, которая воспитала его без отца. Мой расчетливый умишко сразу определил: герой не моего романа. На прекрасного принца ты, Леша, не тянешь. Только как запасной вариант: на безрыбье и рак – рыба.

Мы набрали яблок и вернулись домой, когда все уже ложились спать. Девчонки обсуждали прошедший вечер, кто кого провожал, кто с кем танцевал. Кто-то кого-то назвал чьей-то женой, в ответ полетела другая фамилия. И вот девчонки приняли фамилии парней, которые им нравились. Денисенко вскочила, включила свет и начала записывать эти новые фамилии на бумажку. Дошли до меня:

– Тебя как писать: Демченко или Павлова?

– Кузнецова.

– Нет, ты ей напиши: Демченко-Павлова.

– Нет, я знаю, ей Павлов больше нравится.

– Ну и пусть попросится в гарем, он всех берет.

- Ага, как в комсомол.
- Веселятся. Было бы с чего.
- Слушай, Анжелка, шикарно получается: «Анжелика и Султан».
- Так как писать, Анжелка?
- Кузнецова.
- Не слушай её, пиши: Павлова.
- Ты послушай, как звучит: Павлова Анжелика Николаевна. Блеск!

Они еще долго хохотали и веселились, потом разговор перешел на другое, затем стих совсем, и все уснули. Только ежик топал по полу. Странно, такой маленький, а топает, как большой. Я встала и вынесла его на улицу. Жил же он как-то без молока раньше, проживет и теперь. Лучше, чтобы не привыкал. А то уедем, все равно придется выпускать. Уж лучше раньше. Да и Лешку, как и ежика, лучше отпустить сейчас, все равно я его не полюблю. Он не тот сказочный принц, который мне нужен. Да, он милый, добрый, можно сказать, красивый, но мать-закройщица без отца вряд ли сможет помочь сыну материально. А я привыкла, что родители мне ни в чем не отказывали. Может быть, они не были так ласковы и нежны со мной, как мне бы хотелось, но у нас была большая квартира, дача и машина, и от своего прекрасного принца я ждала не меньшего. Я твердо решила, что нужно завтра все объяснить Лехе. Но через минуту от моей решимости не осталось и следа.

В коридоре на стульчике сидела, обнявшись, парочка. Витка с Султаном. Она ему кокетливо демонстрировала свой загар, распахнув халатик и спустив лифчик:

- Вот видишь, загорела.

А он целовал ей плечи, грудь, что-то завирая. Я, растерявшись сначала, тихо прошмыгнула в комнату, стараясь быть незамеченной.

Вместо четких мыслей в голове какие-то обмыслки... ревность, злость. Да как он может! А чего ты хочешь? Ясное дело – может. Почему бы нет? Ну я ему покажу! А что ты ему покажешь? Свой загар? Я в бешенстве! Ну и что? Да я его... Что? Ну? Что?

А я ему продемонстрирую такую же сцену! Федот злился и ревновал, если видел меня с другим. Испробуем средство на Султане. А Лешка и будет этим другим!

Долго еще я лежала без сна и строила планы мести. В конце концов, кто вспомнит о том, что яблоко от яблони недалеко падает, если никто не знает ни яблоко, ни яблоню. А сама я вряд ли буду делиться впечатлениями со своими родными.

Я начала свою атаку утром в столовой:

- Леша, девочки попросили поблагодарить тебя за яблоки!

Самое главное – симитировать взгляд с поволокой и поцеловать, покрепче прижавшись...

Ага! Есть!

Усмехнувшись про себя, я заметила круглые глаза Денисенко и её озадаченное «ха-ха». Султан делает вид, что не замечает. Леша совершенно серьезным тоном, при этом продолжая меня обнимать, отозвался:

- Уговорила. Вечером еще сходим наберем. Кстати, как ежик?
- Лешенька, он топал, как медведь, и я его отпустила. Ты не сердись? – Заискивающий взгляд тоже получился неплохо.
- Да нет, он – твой. Что хочешь – то и делай.
- Ну все, пока хватит, как бы не переборщить.
- Ну я пойду?
- Да, конечно...

Смешно смотреть, как он растерялся. Прямо все мысли на виду: с чего бы ей разрешения спрашивать?

За столом Ольга, лукаво поглядывая на меня, – глаза-то, глаза! Прямо как у куклы, – спросила, что это за комедия. Я в ответ состроила ей честные глазки и сказала, что это все серьезно. И моя умненькая-преумненькая Белоснежка поняла, что дальше расспрашивать не стоит. Фортуна, усмехаясь, помогла мне в постановке спектакля. Сломался эскалатор на сортировке, и нас всех вывезли в поле собирать картофель вручную. Естественно, я оказалась в паре с Лешкой и естественно – недалеко от Султановского гарема. Павлов строчил анекдоты и подгонял своих «женушек».

Леха что-то неторопливо вещал про службу в Морфлоте. Я слушала одним ухом его, другим Павлова. Да, ну и анекдотики там попадались!.. Лучше сделать вид, что не слышала. А те, дурочки, гогочут. Султану аудитория показалась маленькой, и он решил привлечь нас:

– Леха, знаешь, как гусары козла драли?

– Ты не боишься, что Борода тебя тоже сошлет за соращение малолетних?

– Этих, что ли? Да они сами такое расскажут. Слышь, а Серега вчера рассказал про второй характерный шелчок, – я до сих пор в восторге.

Тут и Леша не выдержал, усмехнулся. А тот уже всю выдавал инструкцию прапорщика своему гарему. Сказано было громко, так что проигнорировать это, сделав вид, что не слышала, не удастся. Да и Демченко слишком уж внимательно на меня смотрит. Придется выступить. Как можно громче, четко и насмешливо:

– Ну уж если нет хороших манер, то их нигде не купишь!

– Ла-ла-ла! Маркиза! Вот Вы и вмешались! Увы-увы-увы! Ваш гнев не к месту: здесь не Версаль!

– Причем здесь Версаль? Я просто не считаю смешным то, над чем ржут лошади, и не желаю слушать этот бред.

– Маркиза, а Вы не помните случайно, сколько нецензурщины Вы вылили на мою бедную голову недавно у автобуса? Такое и в подворотне не услышишь!

Ах, вот в чем дело. Вот ведь, черт! Действительно. Дернула же за язык нелегкая. Молчала бы лучше, не зря говорят: «Молчи, за умную сойдешь». Вот дура!

– Хорошо, ты прав. Я была недостаточно корректна. Можно сказать, зла. Но ты это заслужил. А я? Я давала повод к такой бесцеремонности?

– Анжела, ты зря мечешь икру! У меня девочки молчат, значит, ничего страшного. Да и ты наверняка слыхала покруче.

– А вот это тебя не касается. Если не можешь вести себя прилично, молчи. Знаешь, не принято опорожняться в общественном месте.

– Ну еще немного, и ты сама выразишься как надо.

– Андрюх, я вообще-то тебя предупреждал, – это Леша решил-таки вмешаться. По нему видно: потешается парень. Так ему забавно это слушать. Да и другие тоже уши развесили. Я решила сломать ситуацию, просто отвернулась и начала собирать картошку. «Маркиза»... И этот туда же. Интересно, всем Анжелкам такое клеят?

Я ускорила и сорвала злость на картошке, которая чуть ли не свистела, влетая в корзину. Леха молча помогал, внимательно наблюдая за мной. Я делала вид, что не замечаю этого. Не удивительно, что мы раньше закончил наш рядок.

Волосы растрепались, солнце жарило во всю силу. Я с мстительной радостью сняла ветровку: слава Богу, мне есть что показать. Вельветовые брючки и футболка обтянули все как надо. Длинные волосы на ветру. По-моему, все в порядке. Не такой пышный бюст, как у Витки, но я выше её ростом и не кажусь толстой. Сняла перчатки и стала поправлять волосы. Ага! Леша готов! Засмотрелся.

А я занялась самолюбованием, засмотрелась в его глаза, голубые как небо, где тоже отражалась я, и не заметила, как он медленно протянул руку, медленно взял мою ладонь и медленно, но сильно потянул к себе...

В общем, я рухнула. На него. А потом оказалась прижатой к земле, и только голубизна его глаз вместо неба смотрела на меня сверху.

– Ты такая красивая...

Еще один любитель золотых листьев, запутавшихся в моих волосах!

– Знаю! – Я резко оттолкнула его и села, тряхнув головой, чтобы избавиться от этих проклятых листьев, голубого взгляда и дурацких мыслей в голове.

– Анжелка, дикая ты... и глупая...

– Ага, а ты меня уму-разуму научить хочешь. – Может быть, ты мне потом благодарна будешь.

– А может быть, и нет.

Вот ведь котяра! Медленно протянул руку, мягко коснулся волос, щеки...

– Тебе неприятно, когда я тебя касаюсь? Если да, скажи. Я пойму.

– Нет.

– Тогда чего ты боишься? Я тебя не съем.

Как ему объяснить вбитые с раннего детства старой девой в мою голову принципы? «Парням нельзя верить, им всем нужно только одно, добьются своего и бросят». Как ему сказать, что я не хочу, чтобы меня использовали? Что я сама решила использовать его? Взять побольше и дать поменьше. И я опять крутанула динамо:

– Леша, ты снова торопишься.

Бывает так, что кажется: человек может спокойно читать твои мысли. Становится страшно, что вся твоя мысленная грязь вывернута наружу, и ты во всем своем уродстве предстала перед ним обнаженной.

Я не знала, куда деться со стыда, пытаюсь не отвести взгляда от его насмешливых глаз. Спасли меня Ольга с Сергеем, которые, выполнив свою норму, решили присоединиться к нам. Сережка, высокий стройный брюнет с кучерявым чубчиком, что-то рассказывал Ольге, а та весело смеялась и строила ему глазки. Мне б такую специалистку в учителя!

Все медленно собирались на полянке: Шурочка с Виталиком, Туяра, Бахтияр, Наташка, Ира, с Женькой. Шумно выплеснулся на берег гарем с Султаном. Еще несколько пар остались на поле. Сейчас они закончат, и можно будет ехать на обед. Я искоса бросила взгляд на Султана и увидела, что он внимательно разглядывает меня.

– Ну что, Маркиза, Вы оттаяли? Леша Вас, в конце концов, отогрел?

– Андрей, не заводись, – Лешка лениво развалился на траве, ему явно не хочется скандалить.

– Леша, я не с тобой разговариваю.

– Вот именно, не заводись.

– Ну почему же, Маркиза? Вы приятный собеседник. Я хочу пополнить свой словарный запас уличной брани.

– Не ко мне.

– Ну кто ж мне кроме Вас поможет?

Я уже злилась, но еще сдерживалась:

– Я не желаю Вас учить. Вы умрете глупым и необразованным, сэр!

Вмешался Бахтияр:

– Ребята, вы что, ссоритесь?

– Нет, я прошу Маркизу о небольшом уроке бульварной словесности, а она отказывает.

– Отстань от меня. Обратись к своим женам, они тебя просветят.

– Маркиза...

– Отстань! Меня зовут Анжела.

– Очень приятно. Анжела, ну как насчет урока?

– Пошел ты...

– Ну солнышко, а дальше?
– Андрюха, прекрати, не доставай её.
– Леха, ты не понимаешь. Ей это нравится.
– С чего бы это? – Ироничный тон, удивленно поднятая бровь, – все получилось помимо моей воли, честное слово.

– Тебе льстит мое внимание.

– Да? Да такого самовлюбленного, глупого и наглого болвана я отродясь не видывала.

Насколько туп, настолько и нахален!

Бахтияр не на шутку забеспокоился:

– Анжела, перестань.

– Ну уж нет, он получит то, что хотел!

– Анжелочка, джа-джа-джаночка, дорогая, золотая, успокойся.

– Анжела, действительно...

– К черту!

– Анжела, как сестру прошу...

– Милая, не надо, плюнь на него.

Я уже готова была разрыдаться на плече у Лехи, который, успокаивая, обнял меня и прижал к себе, но вдруг со злорадной ясностью увидела как бы со стороны, что я стою в объятиях Лешки. Он меня нежно прижимает к себе и успокаивает. Ведь ты этого хотела. Чтобы Султан узрел что-нибудь подобное. Интересно, какова его реакция?

Сидит и в упор разглядывает нас. Доволен. Чем? Тем, что чуть не довел меня до слез?

– А знаешь, Маркиза, Лешка тебе не подходит! Мы с тобой будем лучшей парой. Выходи за меня замуж.

Я что, сошла с ума? Или у меня галлюцинации? Нет, он просто издевается.

Леха хмыкнул, иронично поднял бровь:

– А ты уверен, что подходишь ей?

– Ничуть не сомневаюсь.

* * *

Подошел автобус, чтобы отвезти нас на обед.

Я не отходила ни на шаг от Демченко, ни в автобусе, где он усадил меня себе на колени и обнял, как собственник, ни в столовой, ни на обратном пути после обеда. Но на поле Лешку у меня отняли. Всех ребят забрали грузить мешки с картошкой на машину, а мы с Олей и Ирой встали на рядок. Белоснежка, даже копаясь в земле, умудрялась выглядеть чистенькой и свежей. Я молча завидовала ей и представляла, как вечером придется стирать кучу грязного белья. Не то чтобы я не любила стирку... нет, я люблю процесс, когда в воду забрасываешь грязное белье, а достаешь чистое. Это сродни волшебству. Жаль только, что стирать вручную намного дольше и тяжелее.

Вот что действительно я не люблю, так это готовить. Можно, конечно, попытаться приготовить что-нибудь вкусненькое, пирог испечь или пирожные, но меня мутит от предчувствия, что надо почистить картошку или лук, порезать капусту. Поэтому я на кухне появляюсь раз в полгода и то – считаю, что это много.

Мы болтали о пустяках и собирали клубни, когда недалеко от нас ребята стали грузить в машину мешки. Прилетела одна небольшая картошка, другая, третья. Это Сережка пытался обратить на себя внимание Ольги. Бэмс! Одна попала в меня. Ну, держись! Я схватила первую попавшуюся. Бац и... ужас! Я промазала...

Сделав вид, что я здесь не при чем, я в панике думала, что же будет... Я промазала, и добро бы просто промазала, так нет! Я попала не в того, в кого метила. Вместо Сереги я попала в Павлова. Он разогнулся, чтобы поставить мешок, и ему прилетело прямо в лоб.

Я готовилась к худшему. Сейчас начнется! Но подняв глаза, увидела задумчивый взгляд и обезоруживающую добрую улыбку. Нет, я точно сошла с ума!

Быстро отвернувшись, я начала с удвоенной энергией собирать эту проклятую картошку.

– Испугалась?

Да, но еще больше испугалась, когда, обернувшись, увидела его прямо за спиной.

– Я не кусаюсь.

– Извини, я не хотела...

– Это ты меня извини. Я злой был из-за вчерашнего, из-за Лехи.

– Такой злой, что пытался слизать весь загар с Витки?

Ему это показалось смешным.

– Ты видела? А подглядывать не хорошо.

– А вы и не прятались.

– Точно... я и сам обалдел от такого напора. Меня прижали бюстом к стенке, а бюст там – не балуйся.

– Я видела.

– Бросишь Лешку, я брошу Витку...

– И я буду сто первой женой в гареме?

– Я разгоню гарем.

– Я подумаю.

– Думай. Время пошло, – развернувшись, он пошел к машине, запрыгнул в кузов и, не взглянув больше в мою сторону, принялся опять за работу.

А я стояла, молчала и смотрела ему вслед. Да... что-то есть в нем от Федота... напор! Наглость. И внешнее сходство тоже... Лешка мне не нужен. А нужен ли этот? Решу, что с ним делать, когда получу.

* * *

Вечером в комнату к нам пришли Серега со Степой, притащили гитару и банку с компотом, булочки. Ольга за что-то дуется на Сережку. Он сел рядом с ней, что-то тихо объясняет. Пришел Кирилл к Ленке, тоже с гитарой. Что-то наигрывает. Я хотела разобраться с письмами Федота. Здесь вряд ли получится. На улице еще не стемнело. Я взяла конверты и пошла на речку, на мостик, который мне показал Леха.

«Здравствуй Анжела!

Как ты там, мой милый котенок? Я без тебя ужасно скучаю. Мне не хватает тебя, твоих зеленых глаз, твоей улыбки...»

Федот, ты меня рассмотрел лучше, чем я тебя. Ты помнишь цвет моих глаз.

«В июне была такая жара, ты, наверное, не вылезала с пляжа и загорела как шоколадка. Шоколадка с зелеными глазами.

Ты помнишь, что мы познакомились на пляже? Я был немного пьян и, когда увидел тебя, так обалдел, что чуть не утонул. Ты, как русалка, сидела на скале у воды. Длинные волосы, зеленые глаза, ноги. Именно за ногу я и стянул тебя в воду, и ты оказалась в моих руках. Я обнимал тебя и думал, живая ты или нет. Говорят, при белой горячке нечисть чудится...»

Премного благодарна. Хорошего ты мнения обо мне.

«Помню, я поверил, что ты настоящая, когда ты сказала мне, что плохо плаваешь».

Ага. Чуть не утопил меня тогда.

«Сейчас я мечтаю, что, когда вернусь, я не отпущу тебя ни на шаг от себя. Ты мне нужна. Я прошу тебя, ты только дождись меня. Я клянусь, никогда в жизни ты не пожалеешь об этом.

Когда я уходил в армию, я просил Ваньку и Пашку, чтобы они позаботились о тебе. Ты не стесняйся, обращай к ним за помощью».

Спасибо, как-нибудь сама.

«Пиши, я жду твоих писем. Люблю, целую. Сергей».

Буду ли я писать, не знаю. Посмотрим.

Я медленно порвала письмо на мелкие кусочки и бросила в воду. Они, мелко задрожав, расплылись по водной глади. Я знаю одно: я не дождусь Федота. И если мы и встретимся, то вряд ли будет иметь значение, писала я ему или нет. Мы будем просто чужими, незнакомыми людьми.

Я взяла второе письмо. А, это где про осенние листья. И опять: «Жди меня, люблю, целую. Сергей».

И опять, как осенние листья, клочки бумаги полетели в холодную воду.

– Что это? – Это Лешка нашел меня.

– Так, ничего.

– А если честно?

– А если честно, у меня парень в армии. Это его письма.

– Это значит, ты его не будешь ждать?

– Это ничего не значит.

– Мне уйти?

– Нет.

Он сел на мостик, возле моих ног, опустил руку в воду:

– Уже холодная.

Я села рядом:

– Да.

Он молчал, я тоже. Я стала брызгать водой на обрывки бумаги, плавающие возле нас. Они намокали, но не тонули. Да... Письмо недостаточно порвать, чтобы уничтожить. С человеком, чтобы забыть его, недостаточно проститься. Нужно что-то еще. Что?

– Ты его любишь?

– Не знаю... Иногда кажется, что люблю. Иногда – просто ненавижу.

– А он?

– Не знаю, Леша, все так сложно...

– Расскажи мне, может, я смогу помочь.

– Что рассказывать, Леша? Он был со мной и бегал за каждой юбкой. Я бесилась, я ревновала. Сейчас пишет, что любит. Я не верю. Бумага все стерпит.

– Ты с ним спала?

– Ты что, дурак? Нет, конечно.

– И он не пытался?

– Нет, мы только целовались.

– Точно, ты же дикая. Что ж тогда удивляться, что он бегал к другой?

– Не к другой, а к другим. Их было много.

– Это ничего не меняет.

– Вот именно. Я решила, что он мне не нужен.

– Почему?

– Вечный водитель, всю жизнь за баранкой. Никакой перспективы.

– А-а-а... то есть, ты его не любишь. Если бы любила, то так не говорила бы. Не знал, что ты такая расчетливая... А я? Меня ты тоже не любишь и расчета не видишь. Да? Поэтому ждешь, выжидаешь, что дальше будет? Насколько красива, настолько холодна. Холодный расчет... Да... Не зря говорят, что красота холодна.

– А что ты хотел? Поманишь пальчиком, и я побегу: «Ваня, я Ваша навеки!»

– Было бы неплохо...

Вымученная улыбка. Мне стало жалко его. Я уже думала, что бы такое сказать, изменить что-то.

– Ну что ж... Выводы нужные я сделал.

– Какие именно? – Все, жалости нет, одна ирония.

– Я подумую, нужна ли ты мне такая.

– А-а-а. Ну-ну. Думай.

Ха! Удивил. Кому от этого хуже? Я резко встала и пошла прочь от реки, от мостика, от белых клочков бумаги на воде, от глупого разговора, от Демченко, от его глаз, грустных, как у больной собаки, от своей жалости. Мне все это не нужно. Это не мое. Все уже решено.

* * *

Девчонки собирались на танцы, красились, завивались. Странно, они не забыли эту глупость с фамилиями парней, зовут друг друга только по фамилии «мужа». Меня это злит. Жуткий идиотизм! И вообще меня все бесит! Бесит этот барак-развалина, бесит эта комната, где втиснуто восемь кроватей, так что не развернуться, бесит то, что я не могу остаться одна, бесит дурацкая болтовня соседок. Еще немного, и я сорвусь и наору на кого-нибудь. Я ненавижу себя в такие моменты. Я пытаюсь сдержаться и уговариваю себя: «Ангела, подожди, сейчас все уйдут. Все встанет на свои места. Что встанет? Исчезнет куда-нибудь этот барак? Нет. Станет здесь чище, исчезнут грязные потеки с потолка? Нет. Будет еще хуже. Грязно, холодно и одиноко. Лучше пойти с ними. Напиться бы в дребадан, чтоб ничего этого не видеть».

Несмотря на строгость папочки, я иногда это проделывала, если была уверена, что он не узнает. Пьяная, я веселей не становилась, но было все «по барабану». Все проблемы как бы исчезали. Правда, до беспамятства я не допивалась, но пару раз меня Наташа домой доставляла с трудом. Если б не она, мне приходилось бы сложно: желающие воспользоваться моим беспомощным положением находились. Но Наташа стойко отбивала меня и волокла домой, за что на следующий день я была ей крайне признательна.

Жаль, что теперь она далеко. Она иногда бывает нудной в своей откровенности, но я люблю её за бескорыстность, за её преданность и безобидность. Бывало, девчонки делали гадости мне, я платила им тем же, но это не относилось к Наташке. Я не доверяла ей всего до конца, но все же она знала обо мне больше других. Она знала Федота... не все, но знала. Знала Аленку, к которой он убегал от меня. Я не признавалась ей в своих чувствах к Сереге, но думаю, она догадывалась.

Кроме Натальи еще только пара подружек и осталась у меня. С остальными отношения я сильно подпортила. Помню, как плакала безобидная Ленка Зазывалова, когда я увела у неё Игоря. А я была просто зла на Федота, он не пришел на свидание. Я поманила пальчиком Игорешу, и он, дурачок, бросив Ленку, целый вечер строил планы нашего совместного будущего.

Да, настроение тогда у меня было ужасное. Но и сейчас не лучше. Кому-то сегодня будет плохо. Во мне созрели гроздь гадости, и кому-то сегодня я все это подарю.

Девчонки, видимо, поняли по моему виду, что меня лучше не трогать, и развлекались своими силами. Лешка держался в стороне. Музыка. Все танцуют. Это бесит меня еще больше. Стоп! Пришел Султан. Один. Вот я и сделаю себе королевский подарок на вечер. Сегодня будет плакать гарем. Да, а где все они? Ага, тут. Публика есть. Декорации тоже. Нужен эффектный выход. С чего начать? Андрей в двух шагах от меня. Пригласить его на танец, или ждать, когда сам догадается?

Хм... Через весь зал плывет Витка. К нему... Ну уж пытаться его перехватить у неё я не буду. Ага, что это? Быстрый взгляд в мою сторону. Мне тоже подготовлен спектакль? Так-так, посмотрим.

– Витуля, я же сказал тебе, что я тебя не знаю.

– Андрей, потанцуем?

– Я с незнакомыми тетеньками не танцую.

– Перестань, Андрюша.

Хм... «Андрюша»!

– Я сказал, не танцую.

– Андрей...

– И не упрашивай.

Селезенкой чувствую: пора вмешаться. Тем более не через зал идти, только повернуться. Оставим место для отступления, накинem флер надменности.

– А со мной пойдешь танцевать?

Ого! Ну и взгляд! Да, Вита, да! Ты в полете. Посмотри на его довольную физиономию. Именно этого он и ждал.

– Конечно, малыш.

Он дает увести себя в центр танцплощадки, где осторожно обнимает меня. Это помогает, моё дурное настроение отступает. Всего-то и нужно было чье-то сильное плечо, к которому можно было бы прижаться. Проверенный способ. Правда, позже обладатель этого плеча никак не может понять, что он был всего-навсего заменителем валидола. Приступ прошел, и валидол не нужен.

Ох уж эти приступы одиночества, когда пусто на душе, в сердце, когда понимаешь свою ничтожность и ненужность, когда бросаешься на задержавшийся на тебе взгляд, как на амбразуру.

Добрые руки, внимательный взгляд. Одна песня закончилась, началась другая, третья. Мне не хотелось терять это чувство защищенности, он не отпускал меня от себя, так мы и стояли, обнявшись, посредине площадки.

– Я тебя никому не отдам...

Все замерло во мне, я растерялась, смутилась, не зная, что сказать. Нахамить? Посмеяться? Сделать вид, что не слышала?

Уже громко и настойчиво, глядя мне в глаза:

– Анжела. Ты поняла? Ты будешь моей и только моей. Я тебя никому не отдам.

Я смотрю в глаза. Ни насмешки, ни иронии. Внимательный, серьезный взгляд. Куда деваться от этого взгляда? Да и надо ли?

– Ты меня совсем не знаешь.

– Я чувствую, что ты – моя судьба.

Самое время спрятаться за иронией:

– А почему я не чувствую?

Быстро поймав смену настроения, насмешливо, в тон мне:

– Ой ли? Так и не чувствуешь?

– Не-а.

– Почувствуешь! – И вновь стал серьезным, пугающе серьезным: – Ты будешь счастлива со мной. Я все для этого сделаю.

Ну-ну. Еще один сказочник. Пора вернуть его на землю:

– Андрей, музыка закончилась.

– Ну и что? Тебе плохо со мной?

– Нет.

Подошли Сережка с Ольгой:

– Ну что, Андрюха, никак от своей жены оторваться не можешь?

– Не понял.

Честно говоря, я тоже не поняла.

– Вот, смотри... – И достает какую-то бумажку, читает вслух. До меня доходит смысл написанного. Боже! Это та самая бумаженция, где девчонки, сменив настоящие фамилии, написали... Елки! Там же я записана как Павлова! Он же решит, что я ему на шею вешаюсь!

– Ага, есть! Павлова Анжелика Николаевна.

Я, увидев насмешливое изумлённое лицо, только и смогла резко развернуться и пулей вылететь на улицу. Сбежать.

Какой неудобняк! Ну Ольга! Ну погоди! Ну зачем же так! Как ему теперь объяснить, что это не моя дурацкая идея – поменять фамилии. Ну Денисенко! Держись! Да, представляю, что он теперь думает. Ох!

Растрёпанная, запыхавшаяся, я ворвалась в домик. «Тук-тук-тук», – простучали каблучки по деревянной лестнице. Я рванула дверь, другую, включила свет и замерла... Шурка с Виталиком! Шурка, обнаженная, хрупкая, маленькая лежала на кровати. Испуганные карие глаза смотрят на меня. Виталька, голый до пояса, перед ней на коленях. Раздраженно обернулся к двери, лениво встал. Взгляд скорее злой, чем смущенный.

Да, не вовремя. Я смутилась. Пытаюсь вспомнить, когда же они ушли с танцев. Вдруг мне становится смешно: вот ведь одна глупенькая переживала-переживала, а зря. Тут поводов для переживания намного больше. Засмеявшись и уже овладев собой, смогла смело глянуть на них и твёрдо сказать:

– Могли бы и дверь закрыть! – Повернулась и вышла.

Да, а куда пойти? Возвращаться? Ну уж нет. Я остановилась на крыльце. Еще неизвестно, как Султан принял известие о еще одной жене. Засмеет наверняка. Да, влипла я. Интересно, а Виталик знает, что Шурочка хочет быть Андрющенко Александрой? Всё-таки когда они смылись? И что она в нём нашла? Да, он высокий, но какой-то костлявый, нескладный, лично мне к нему прижаться не хочется. Ну да, зато к Султану прилипла, как липучка. Так там такая спина, что за этой спиной от всего мира спрятаться можно. Да и плечо – вполне надёжная опора. Он сантиметров на десять меня выше, но такой крепкий, что я кажусь сама себе маленькой по сравнению с ним, маленькой и хрупкой.

Интересно, они там трахаются? Или я их спугнула? Долго мне ещё торчать здесь? Ага, вышли. Что-то долго вы, дорогие, одевались.

– Анжела, нашим не говори про нас, пожалуйста.

– Уговорила.

– Спасибо. Понимаешь, я люблю его.

– Понимаю. Это меня не касается.

Они обнявшись, ушли, а я стояла и думала. Нет, Шурка определённо сошла с ума – такое ему разрешает. Хотя действительно: меня это не касается.

Я зашла в комнату, зажгла свет. Чем заняться? Я побродила между кроватями, постояла у стола. Литровая стеклянная банка с полиэтиленовой крышкой. В крышке прорезь для денег. Это штрафная копилка. Ольга выдумала её, чтобы отучить нас «от недостойных выражений»,

как она объяснила. С той поры все, кроме неё, регулярно пополняли нашу копилочку. Бело-снежка соблюдала свои принципы. Интересно, что бы она сказала, увидев сегодня Шурку? А могла бы она оказаться на её месте? Вряд ли, она такая рассудительная. Я отвернулась от стола, подошла к кровати, достала из-под подушки письма. Как раз никто не помешает читать.

«Анжела, здравствуй!

Всё не пишешь и не пишешь. Ты бываешь действительно невыносимой. Ты обиделась на что-то? Но я не сделал ничего плохого. Да, мы иногда не понимали друг друга. Иногда я был не прав. Но всё решалось благополучно. Объясни, в чём дело сейчас. Если я виноват, я исправлюсь. Мне трудно без тебя, без твоих писем. Я никогда не жалею, ты же знаешь, но здесь не курорт, и единственное, что может поддержать меня – это твои письма. Анжела, не будь врединой, пиши.

Здесь одни парни, а разговоры всё про девчонок. Большинство не верят, что подружки дождутся их. Некоторые спорят с ними, говорят, что есть верные девушки, которые умеют ждать. А я всем говорю, что моя злючка будет только моей, что только я могу её укротить. Люди в жизни часто делают ошибки, может случиться, и ты наделаешь их. Я знаю, это бывает, сам не святой. Знай, что бы ни случилось, я пойму тебя и не брошу. Мне больно писать это, но ты можешь встречаться с парнями, ходить на танцы, в кино. Ты свободна, делай что хочешь, только (ты слышишь!) не выходи замуж. Я не верю, что кто-то может полюбить тебя сильнее меня. Вряд ли ты будешь счастлива с другим. Ты и сама это знаешь.

Я люблю тебя. Целую. Сергей».

Называется, дал отпущение будущих грехов. Ах, мой милый сказочник, если бы ты думал так на самом деле! Это очередная ложь. Ты лгать мастер. Ты всегда знал, что я хотела слышать, и говорил мне это.

Я уснула, вспоминая Федота, наши встречи, наши отношения. Я не хотела рвать отношения, написав, что ждать не буду. Хоть он мне и не нужен, я отвечу на его письма, потому что мне нужно куда-то вернуться в случае неудачи. Всё равно что консервы на черный день. Можно хранить сколько угодно. Два года – большой срок. Всё может случиться, может быть Федот и будет мне нужен. Завтра займусь консервацией.

На следующий день все величали меня не иначе как Павлова Анжелика Николаевна. Я пыталась это игнорировать, но в конце концов, сорвалась и нагубила Степану. Он решил обидеться, легко поднял меня и забросил на кучу мешков с картошкой, стянул с ног мои сапожки, взял их подмышку, повернулся и пошёл, бросив напоследок:

- Посиди и подумай о своём поведении.
- Стёпа, подожди, сапоги отдай.
- Нет.
- Ну Стёпа... Ты хочешь, чтобы я целый день здесь просидела?
- Ага! – И ушёл.

Ёлки! Что ж делать? А ничего. Буду отдыхать здесь.

Сапоги минут через десять принёс Павлов, подал мне, поймал меня, когда я, надев их, спрыгнула вниз.

- Буянишь, Маркиза. Жалуются на тебя.
- Знаешь, это была не моя идея сменить фамилию! Мне не нравится, когда за меня решают, а потом смеются надо мной!
- А что, тебе не нравится моя фамилия?

- Не в том дело...
- Ну тогда привыкай и не злись. Тебе всё равно никуда не деться. Это судьба.
- Не решай за меня!
- Ну что Вы, Маркиза, как я смею, – и, смеясь, пошёл прочь от меня.

За неделю я привыкла не обращать внимания и не сердиться, если меня называли Павловой. Привыкла, что Андрей всегда рядом. Я была благодарна, что он не загонял меня больше в угол, не пытался повторить вечер, когда я выпрыгнула от него в окно. О себе он рассказывал мало, на мои допросы о семье отшучивался, меня тоже не расспрашивал, предпочитал разговор на нейтральные темы. Благо, их хватало. Рассказчик он был хороший... да и сейчас неплохой, только слушают его другие.

А тогда он развлекал и смешил меня, не отпускал ни на шаг от себя, был терпелив и внимателен.

Ира, наблюдая за нами, как-то сказала:

– Анжела, если ты не порвёшь с ним, дело закончится свадьбой. Подумай, нужно ли это тебе.

И я думала, но ничего не могла понять. Не могла просчитать варианты, так как было слишком много неизвестных величин. Что ж, будем выжидать. Победит тот, кто окажется более терпелив.

Так прошёл сентябрь. В октябре, перед самым отъездом, у Стёпы был день рождения. Обыкновенная пьянка в бане с продолжением. Никто посторонний этого не должен был знать, так как руководство пило вместе со всеми. Девчонки оказались брошенными ради пива и прочего. Поскучав немного, мы решили утешиться чем-нибудь вкусеньким. Выгребли из тумбочек все запасы, открыли копилку и послали Денисенко с Филимоновой в магазин. Они вернулись с тортом и пряниками. Нас с Ирой отправили в столовую, вскипятить чай.

Вот тут-то и ждал меня сюрприз. Я, наверное, позеленела от злости, когда, открыв дверь, увидела весёлую компанию, стол, накрытый газетой, на нём пиво, рыбы кости, несколько бутылок водки. Пьяные мужики, некоторые старшие девки, тоже очень весёлые. Но взбесило меня зрелище пьяного Султана с полуголой Оксаной на коленях. Пьяный окрик:

– Эй! Быстро закрыли дверь!

Ну и что делать? Хлопнуть дверью? Бросить в них чайник? Заорать? Глупо. Смешно и глупо. Это значит – снова дать повод смеяться над собой. Прячем, комкая поглубже эмоции. Зовём на помощь иронию и надменность. Так, маска готова, Анжела, действуй!

– Пьянствуете? Ну-ну, – стараюсь быть спокойной, прохожу, набираю в чайник воды.

*И руки голые до плеч,
И руки голые до плеч,
Любимая, вслед поезду протянешь...*

Ага, Лёша тоже здесь. Вместе с гитарой. И тоже пьян.

*Но поздно, но поздно,
Но это будет слишком-слишком поздно,
И лишь останется один
Невероятно едкий дым
И тусклые мерцающие звёзды ...*

Ставлю чайник на плиту. Он закипит минут через пять-десять... Стоять и ждать здесь? Нет, я не выдержу. Лучше выйду.

– Малыш, ты куда? Иди к нам.

Я закрываю дверь и пытаюсь перевести дыхание. Что за дурацкое обращение: Малыш? В задницу! «Иди к нам...» Ну уж нет! Я туда больше не пойду.

– Ира...

А Иры-то и нет. Но туда я точно не пойду!

В комнате все мрачные. Иришка уже успела всё рассказать.

– Чайник я поставила, но забирать будет кто-нибудь другой. Я туда не пойду.

Все мрачно молчат.

– Я тоже не пойду! – Ира. Это что, из солидарности? Ах, там же был Кирилл! Я не заметила, он что, тоже с девкой? Тогда понятно.

– И я не пойду! – Шурочка испугалась. Боятся разочароваться в своём Виталике. А остальные? Мрачно молчат, но тоже, похоже, боятся увидеть лишнее. Долго тянется молчание. А, гори оно всё там синим пламенем!

– Когда приедут пожарные, мы поймём, что чайник вскипел.

Слишком уж вымученные улыбки в ответ. И снова молчание.

– Девчонки, а как тортика с чаем хочется...

– И мне тоже, – у Ленки вид просто несчастный. Но вдруг в больших карих глазах мелькает смешинка, и она быстро добавляет: – Но туда я не пойду!

Всем стало смешно смотреть на эту испуганную, забавную рожицу, и все дружно рассмеялись.

– А что я смешного сказала?

И сама уже смеётся сквозь слёзы. Да это же истерика! Ещё немного, и всё перейдет в слёзы.

И тут открываются двери. Разозлённый Виталик чуть не швыряет нам на стол чайник:

– Забирайте своё добро! – И уходит, хлопнув дверью.

Чего он такой психованный? Перетрудился, неся чайник? Или недоволен тем, что его оторвали от компании? Может, не в струю пошло наше веселье? Скорее, всё вместе.

– Какие мы сердитые! Шурка, чего это он такой?

– А я знаю?

Всё, тишины больше нет, вместо неё по комнате летают тихие реплики, издёвки, приглушённые смешки.

– Девчонки, а как тортика хочется...

И опять дружный смех, но теперь просто смешно, что в любой ситуации сладкоежкам трудно потерять аппетит. Ничто не помешало нам с удовольствием накрутить и торт, и пряники, и пирожки, и конфеты.

Перед тем, как уснуть, мы долго лежали и шептались в темноте. Стук в окно. Ольга, которая была ближе всех к окну, распахнула раму.

– Оль, позови Шурку! – Это Виталик объявился. Шурочка быстро соскочила и стала одеваться. Ленка чуть ли не с презрением процедила сквозь зубы:

– И ты пойдёшь?

– Да, а что?

– Ничего, это твои проблемы.

Шурка выскочила, застёгиваясь на ходу.

– Глупая... поманил пальчиком, она и помчалась.

– Может, она его любит.

– Ну и что? Становиться тряпкой из-за этого? Разрешать вытирать об себя ноги?

– Ты её плохо знаешь. Она ещё загнёт его в бараний рог.

– Поживём – увидим.

Постепенно разговоры стихли. Почти все спят. В комнате тишина. Тишина и темнота. Темнота выползает из-под кровати, растекается по проходам, заглядывает мне в глаза, в душу. И вот уже в душе темно... темно и пусто. Темно, пусто и одиноко. И вряд ли что поможет от этой пустоты, темноты и одиночества.

Федот... Прости меня... Мне так плохо без тебя... Только не надо слёз. Но так плохо. Так одиноко. Я знаю, тебе сейчас тоже плохо, ты тоже одинок. Как бы я хотела прижаться к тебе, заглянуть в твои глаза... Я потеряла тебя. Через два года ты будешь совсем другим. Да и сейчас ты не тот, которого я нарисовала себе и полюбила. Мне трудно прощаться не с тобой, а со своей любовью. Да, я люблю тебя. Со всеми твоими выбрыками, которые злили меня, я люблю тебя, твои глаза, твои губы, твои руки. Я решила выбросить эту любовь из своего сердца, из души. И поэтому в душе темно и пусто, и одиноко, а сердце болит... болит и кровоточит...

* * *

На следующий день при попытках Павлова заговорить со мной я отворачивалась и уходила от него, как будто мы не знакомы. Когда он, не выдержав этого, припёр меня к стене столовой во время обеда и потребовал объяснения, я с мстительным удовольствием просветила его:

– Развод и девичья фамилия.

Он посчитал ниже своего достоинства извиняться и объяснять что-то и, взбешённый, ушёл. На него невозможно смотреть без смеха, когда он зол: он краснеет от гнева, большие серые глаза становятся ещё больше. Точь-в-точь варёный рак, который раздражённо размахивает клешнями. Я не выдержала и рассмеялась ему вслед. Злой взгляд через плечо подтвердил мне, что я добила своего: я достала его окончательно. Я отомстила за вчерашнее. Но я вчера сдержалась и не устраивала сцен.

После обеда я написала письмо Федоту, объяснила, что поступила в институт и теперь не живу дома, поэтому не отвечала на его письма. Не удержалась и вложила в конверт фотографию. Он её не видел, я фотографировалась на документы для поступления, и мастер уговорил меня сделать открытку.

Фотография вышла странная, в коричневых тонах, поэтому мои глаза оказались карими, волосы тёмными, а я какая-то чужая, беззащитно-нежная и застенчивая. Откуда всё это взялось, и как поймал всё это объектив, для меня осталось загадкой. Эта загадка была тем больше, что фотографии на документы, сделанные этим же фотографом, были прямо противоположными. Светлые волосы, распущенные по плечам, светлые холодные глаза, расчетливый взгляд, вся подтянутая и строгая. Обе фотографии хорошие, но абсолютно разные.

Я запечатала конверт и хотела все остальные открытки, их ещё штук пять осталось, убрать в чемодан. Ира заметила их и взяла посмотреть.

– Ты хорошо здесь вышла. Ты здесь очень красивая.

Мигом остальные сбежались посмотреть. Они передавали фотографии из рук в руки, когда вошли Лёшка с Серёгой.

– Девчонки, завтра после обеда уезжаем.

– Наконец-то.

– Что это? – Лёха взял мою фотографию, посмотрел, усмехнулся. Насмешливо и оценивающе разглядывает меня. Я вижу, что он пытается найти то, что увидел, и не находит.

– Фотограф сильно польстил тебе. – Он протягивает снимок мне. – Хотя, может быть, ты в этот момент думала о себе. Уж себя-то ты любишь точно.

Всем стало неловко, и они замолчали.

– С чего ты взял, что знаешь меня лучше других? – На меня как-то вмиг навалилась усталость и равнодушие, так что я не стала никому ничего доказывать, тем более что и не нужно ничего доказывать, всё правда. Он смотрел, как я забросила снимки в чемодан, взяла конверт.

– Тебя проводить до почты?

– Нет, спасибо, я сама.

– Я всё же провожу.

Мы молча шли по дороге. Я перешагивала трещины на асфальте, стараясь не наступать на них. Он молча курил и искоса поглядывал на меня. Наконец не выдержал, спросил:

– Ты всё же решила написать ему. Почему?

– Не знаю. Мне плохо без него. Мне кажется, что ему тоже плохо.

– То есть пожалела?

– Ага. Себя. Какая тебе разница?

– Я пытаюсь понять тебя.

– А тебе это нужно? Ты за дипломом психотерапевта сюда приехал?

Он выбросил окурок, долго молчал.

– Нет. Мне просто интересно. Если ты его любишь, зачем все остальные – Андрей, я?

– А зачем тебе я? Уверена, что у тебя дома тоже девчонка осталась.

– Пока я был в армии, она вышла замуж, хотя говорила, что любит меня.

– Лёша, замуж выходят не только по любви.

– Да. Она залетела.

– Ну вот, видишь, по глупости тоже можно сыграть свадьбу.

– Вот я и пытаюсь понять.

– Лучше не пытайся. Или ты хочешь научный труд на эту тему опубликовать? Тоже лучше забыть об этом. У Стендаля уже есть трактат «О любви». Очень нудная и неинтересная вещь. Займись чем-нибудь другим.

– Зачем тебе нужен Павлов?

– Мне скучно быть одной.

– А я?

– По той же причине.

Лёша обдумывал эту мысль до самой почты. На обратном пути он уже не искал причин моего нелогичного поведения, видимо, соответствующие выводы были сделаны. Он рассказывал про армию, про Севастополь, про маму, как она переживала за него. Я поняла, что он снова решил заняться мной. Ну что ж, после увиденного мною вчера, это не удивительно. Тем более что ты, Лёша, можешь оказаться мне полезным.

Мы вернулись, когда уже почти все сидели в автобусе, что отвозил нас на поле. Все места уже были заняты. Лёха подвинул какого-то парня в очках и сел на его место, притянув меня к себе и усадив на колени. Я обняла его за плечи, чтобы не свалиться во время поездки. Он поддерживал меня за талию. Витка, сидевшая сзади нас, громко фыркнула:

– Что, Кузнецова, ремни безопасности пристёгнуты? – сказано было громко. Многие обернулись посмотреть, в чём дело. Меня позабавил злой взгляд Павлова. Вита, спасибо. Я не думаю, что ты хотела помочь мне, но ты это сделала. Ситуация почти эквивалентна вчерашней, когда я увидела Оксанку на коленях у Павлова. Правда, верхняя часть одежды у меня на месте, но я не думаю, что эффект был бы больше. Интересно, сколько времени он сможет игнорировать меня? Он сам сказал, что его злит, когда я с Лёхой. Когда он сорвётся? И что это будет?

* * *

После ужина, когда все собирались на танцы, красились и переодевались, меня выловил в коридоре Борода:

– А-а-а, Кузнецова, тебя-то мне и надо. График дежурств видела?

– Нет.

– Хочу огорчить тебя. Ты дежуришь по кухне. Тебя там уже ждут.

– Ёлки...

Бл... ин горелый! Везёт как утопленнице. Последний день, а я дежурю по кухне. Еще пару раз тихо матюкнувшись, пошла в столовую. Инка с Леркой уже чистили картошку. Я взяла нож. Откуда их берут, такие здоровенные? Прямо ятаган, а не кухонный нож. Горько вздохнув, начала отбывать трудовую повинность. Девчонки тоже были невеселы. Минут пятнадцать мы молча страдали втроём. Потом появился Лёха:

– Твои сказали, что ты здесь. Ну что, танцы накрылись?

– Лёша, не издевайся. Сам ведь видишь.

– Вижу. Это не я, это ты издеваешься. Над картошкой. Тебя не учили никогда, как это надо делать?

– Как умею, так и делаю.

– Давай сюда нож! – Забрав у меня этот ятаганище, Демченко начал быстро и ловко очищать картофелины от кожуры.

– Неплохо. Можно сказать, специалист.

– Учись, пока я живой. Очень хочешь на танцы?

– Да вряд ли успеем. На полчаса не стоит и идти.

– Сегодня последний день, можно гулять всю ночь. Если хочешь, возьмём гитару и пойдём к нам.

– А кто ещё будет?

– Никого. Только мы. Тебе это не нравится?

– Я знаю другое место, более интересное.

– Да?

– Ты сам мне его показал.

– А-а-а, – он рассмеялся, – так ты согласна?

– Да.

– Вот и чудно.

В конце концов, мы управились с картошкой... вернее, они управились. Я сидела и развлекала их своей болтовнёй ни о чём. Инка с Леркой побежали переодеться на танцы, Лёшка пошёл за гитарой. Меня, едва я переступила порог, встретил твёрдый голос Виталика:

– Свет включать не стоит.

Я поняла, что и входить не стоило, повернулась и вышла.

Я стояла на крыльце, смотрела на свет из окон домов, пробивающийся сквозь ветви деревьев, и лёгкая грусть и тоска по дому, домашнему уюту начала просыпаться во мне. Странно, я всё время хотела сбежать из дома подальше, сбежать и не возвращаться. Откуда эта грусть, это сожаление? Какая ерунда! Это просто очередной приступ одиночества. Сейчас придёт Демченко, и всё будет нормально.

Вот и он. Идёт, что-то насвистывает.

– Ты чего курточку не надела? Замёрзнешь. – Меня выперли из комнаты, даже зайти не дали. – Кто?

– У Виталика спроси.

– А-а. Ясно. Ладно, я тебе свою отдам.

– А ты?

– Я морозостойкий.

Он накинул мне на плечи свою куртку и, держа её за обе полы, притянул меня к себе, рассмеявшись:

– Ага, попалась, которая кусалась. Теперь так просто от меня не удерёшь.

Не в том я настроении, чтобы удирать от тебя. Мне некуда податься, и поэтому я сегодня с тобой. Сегодня моё лекарство от одиночества – это ты.

– Ты же видишь, я никуда не удираю.

Глаза... Тёмные, темнее ночи. Они всё ближе. Всё замерло внутри... Да, вот он, тот момент, когда уходят сомнения. Целуй меня. Целуй и ласкай. Мне нужна твоя нежность, чтобы излечиться от одиночества. Я не умею быть одна. Я не могу быть одна!

Свет вырывается на крыльцо из открытой двери. Лерка с Инкой, смеясь, выскочили из домика, резко замолчали и вновь прыснули от смеха, сбегая по ступенькам.

– Лёш, похоже, это уже в наш адрес.

– Ага. Может, лучше пойдём отсюда?

Мы по тропинке спустились к речке. Влажный, прохладный воздух пахнет осенью. Осень везде. Осень плещется в холодной тёмной воде, осень кружится в воздухе и, шурша опавшими листьями, стелется по земле. Я чувствую её наощупь. Её руки нежны, как бархат, но её прикосновение колет, как ветви шиповника. Она горит, как огонь, но сгорая, несёт холод промозглых туманов. Я слышу её: грустно и нежно осень шепчет мне жестокие, злые слова. Каждый раз она приносит мне один и тот же подарок – лишний год в моей жизни. Каждую осень я становлюсь старше ровно на год. Я не хочу этих щедрот, но она смеётся надо мной, и мы обе знаем: мне никуда не деться от этого.

Ну что ж, привет! Мы снова встретились. Восемнадцатый раз. Сколько ещё встреч у нас впереди? Ты смеёшься. Твой смех похож на шелест листьев. Ты знаешь, но не скажешь мне. Ну что ж... привет!

– Анжела...

– Да?

– Иди ко мне.

Сидя на перевернутой лодке, Лёшка перебирает струны. Что-то грустное-грустное плыло в воздухе, отражаясь от воды, путаясь в ветвях ивы и вновь возвращаясь к нам.

На ковре из желтых листьев

В платьице простом

Из подаренного ветром крепдешина

Танцевала в подворотне осень вальс-бостон...

Как странно созвучны наши мысли. Из всех песен он выбрал именно эту. Может, действительно существуют люди, способные читать чужие мысли? Но если даже и так... сегодня мне нечего стыдиться. Так хорошо и грустно на душе. Лёгкая тихая грусть как мотылёк порхает по струнам. Песня сменяет песню, тихий приятный голос поёт мне о любви и нежности. Какой волшебный вечер.

Он откладывает гитару:

– Иди ко мне...

И я, как зачарованная, иду. И вот уже вместо гитары на его коленях я, и что-то дрожит во мне, как струна, и его поцелуй на моих губах, и на шее, и на груди. Пуговицы расстёгнуты, и жаркая рука ползёт по спине, отыскивая застёжку лифчика. А в голове туман. И проходят мимо подробности того, как щёлкнула застёжка, как сползает с плеч, обнажая их, кофточка. Только поцелуй, как плащ, покрывают плечи, руки, грудь.

– Я люблю тебя, Анжела, если б ты только знала, как я тебя люблю...

Я чувствую голой спиной шершавое дно лодки, но мне не хочется думать об этом. Я слышу только жаркий шепот, но смысл сказанного не доходит до меня.

Только нежные руки на моём теле.

– Я хочу тебя. Я больше так не могу... Одна-единственная ночь...

И что-то откликается внутри, я выгибаюсь навстречу его рукам, его губам.

– Я сделаю тебя счастливой...

Вж-ж-ж-жик! Поехала вниз молния на брюках.

– Я люблю тебя...

Жаркие руки спускают вельвет всё ниже и ниже. Меня охватывает озноб.

Сознание резко возвращается, как будто сменили слайд в диапроекторе, и я, как со стороны, вижу себя почти полностью раздетую на перевёрнутой лодке. Меня вмиг начинает трясти, то ли от холода, то ли от страха. Губы не слушаются меня, и хриплый шепот неузнаваем:

– Нет, Лёша, не надо.

– Что?

Тёмные глазищи, в которых я тону. Я снова чувствую туман, обволакивающий меня, и из последних сил сопротивляюсь, пытаюсь сохранить рассудок, и понимаю, что всё напрасно.

– Не надо, я прошу. Пожалуйста, не надо.

– Анжелка, не ломай меня.

– Ну я прошу!

– Анжела...

Он продолжает целовать меня, а я, понимая бесполезность своих попыток, срываюсь на слёзы. Он несколько минут удивлённо смотрит на меня и отпускает, садится рядом, взлохматив волосы, и отворачивается.

– Извини, я не хотел тебя обидеть.

Меня всё ещё трясёт, и я, уткнувшись лицом в колени, всхлипываю и размазываю слёзы по щекам. Накинув мне что-то на плечи, он притягивает меня к себе и начинает вытирать слёзы:

– Успокойся. Ничего страшного не случилось. Всё будет так, как ты захочешь. Ты поняла? – Отведя волосы, падающие на лицо, и приподняв мой подбородок, он заставляет смотреть себе в глаза: – Успокойся, ты не должна меня бояться. Я не собираюсь тебя обижать. Я люблю тебя. Всё будет так, как ты скажешь.

– Я не хочу этого...

– Я понял. Не хочешь – и не надо. Одевайся. – Он отвернулся, закурил, отошел на мостик.

Я быстро натягивала брюки, лифчик, кофту, не веря, что всё кончилось таким образом. «Не хочешь – и не надо...» Лёша, если б ты знал, как я благодарна тебе.

Он курит и молчит. Наверное, злится на меня. Может быть, тихонько сбежать?

– Не уходи... – Три шага, и он уже рядом. – Не уходи, пожалуйста. По-моему, я уже доказал, что ты можешь мне доверять.

Он притянул меня за плечи к себе:

– Ты останешься?

– Да.

– Ну вот и хорошо.

– Лёша...

– Да?

– Спасибо тебе...

– Глупая ты. Благодарят обычно совсем за другое.

Он поднял упавшую гитару.

*Солнце сквозь листву, солнце сквозь листву
Озаряет лица.
Вижу я тебя, вижу я тебя
И хочу добиться
Той любви большой, той любви большой
Полной чар и ласки.
Эту ночь с тобой, эту ночь с тобой
Я провёл, как в сказке.*

– Ой, Анжелка, Анжелка... как ты меня жестоко обломала! Слушай, Анжелка, а что ты вообще знаешь об этом?

– О чём?

– Ну об этом... в общем, об отношениях мужчины и женщины.

Мне не нравится, что он смеётся надо мной. Как будто я действительно беспробудная дурочка.

– Ну расскажи. Что, по-твоему, творится ночью в закрытых спальнях?

– От этого рождаются дети.

– А-а-а... Ну самое главное ты всё-таки знаешь! – он всё ещё забавляется, ему, видишь ли, весело. – А как ты думаешь, дети всегда рождаются?

– Нет.

– А почему?

– Ну бывают какие-то отклонения, и мужчина или женщина оказываются бесплодными, тогда детей в семье нет.

– Я не об этом. Ты что-нибудь знаешь о предохранении?

– Ну да, резинки есть.

– Вот и смотри: люди не хотят иметь ребёнка, пользуются резинками, но всё равно это делают. Почему?

К чему это он ведёт?

– Я не знаю.

– Тебе никто не говорил, что это может быть приятно, а иногда и сказочно приятно?

– Это для мужчин.

– А для женщин?

– А для женщин – это супружеская обязанность.

– То есть?

– Ну она ему даёт, когда он хочет.

– Ага... – Кажется, я его озадачила, ему уже не смешно. – Ну а Шурка, почему она даёт Виталику?

– Она любит его. И вообще, она глупая.

– Ага. Вот как. А ты... тебе было неприятно, когда я тебя целовал? Это тоже была обязанность?

– Нет.

– То есть тебе было приятно?

– Лёша, я не понимаю...

– Ты ничего не понимаешь! Чего ты боишься? Что можешь залететь? Так ведь если предохраняться, можно и не залететь. Ты боишься, что будет неприятно, но ты даже не пробуешь!

– Я не хочу, чтобы мой будущий муж всю жизнь попрекал меня за то, что я не дождалась его.

– Ага. Вот в чём дело. А если твой будущий муж – это я?

– Тогда ты не будешь расстроен, что немного подождал.

– То есть сначала свадьба, потом постель?
– Вот именно.
– Но ведь сейчас не прошлый век, и простыни на ворота не вывешивают.
– Лёша, я не хочу дальше развивать эту тему. Перестань, хорошо?
– Ну, мне просто интересно.
– А мне нет. И вообще, уже поздно. Пора домой.
– Анжелка, да ладно тебе... Не заводись. Не хочешь, я не буду... – Он снова взялся за гитару. Перебирает струны, но что-то волшебное уже исчезло, и мелодия не складывается. – Да, ты права, уже поздно. Нам надо вернуться.

Он проводил меня до крыльца и, не попрощавшись, не поцеловав меня, исчез в темноте. Ну и ладно! С чего это он решил, что я буду выполнять его прихоти? Пошёл он!..

Наши уже спали. Быстро раздевшись, я нырнула под одеяло.

– Анжелка, ты где была? – Ольга, оказывается, ещё не уснула.

– Гуляла.

– Я понимаю, что гуляла. С кем?

– Как будто ты не знаешь. С Лёхой. А что?

– Тебя Павлов искал. Был очень зол.

– Это его проблемы.

– Он тут чуть дверь не вынес.

– Нам эта дверь больше не понадобится – завтра уезжаем.

– А-а-а. Ну спи. Я тебя предупредила.

– Спокойной ночи.

Какой длинный день! Только очутившись в постели, я поняла, как устала. Волна усталости охватила всё тело и потянула куда-то в темноту, в забытьё...

– Анжелка, вставай!

– Опять начинается! Анжелка, проснись!

– Иди сама разбирайся.

Щеколда не выдержала, полетели щепки, дверь распахнулась.

– Где она? – Султан. – Анжелка, иди сюда, поговорить надо!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.